

Рассказчику можно не верить

Как текст незаметно подсказывает, что человек, который его рассказывает, ошибается или лжёт

Литература · 13–17 лет · 12 минут

Обычно мы принимаем рассказчика за проводника: он говорит, мы верим. Но бывает, что автор оставляет в тексте улики против собственного повествователя — и тогда читать приходится не по тексту, а сквозь него.

Кто вообще с тобой говорит

Открывая книгу, ты первым делом соглашаешься на странную вещь, даже не заметив этого.

Кто-то начинает тебе рассказывать. Ты не знаешь, кто он. Ты не проверял его слов. У тебя нет никакого другого источника сведений о событиях — вообще никакого, потому что событий не было. И ты ему веришь. Автоматически, как веришь прохожему, объясняющему дорогу.

В большинстве книг это правильно: рассказчик работает окном, и смотреть надо сквозь него. Но существует приём, ради которого стоит затевать весь разговор. Иногда автор нарочно делает окно кривым — и не говорит об этом ни слова.

Тогда задача читателя меняется. Надо понять не только что случилось, но и **что за человек тебе это излагает и почему он излагает именно так.**

Три разных способа соврать

Ненадёжность бывает разного происхождения, и смешивать их не стоит.

Он не понимает. Рассказчик добросовестен, но не дорос или не дотягивает: ребёнок, описывающий взрослую драму словами про игрушки; человек, не знающий контекста. Он говорит правду, а смысл происходящего проходит мимо него. Читатель видит поверх его головы.

Он себя обманывает. Самый частый и самый интересный случай. Рассказчик не лжёт сознательно — он искренне излагает версию, в которой выглядит приемлемо. Его молчания, оправдания и слишком подробные объяснения там, где никто не спрашивал, выдают его надёжнее любой прямой лжи.

Он лжёт нарочно. Реже всего и обычно с выигрышем в конце: выясняется, что всё рассказанное подгонялось под цель.

Ненадёжный рассказчик

Повествователь, чьё изложение читатель имеет основания считать искажённым. Термин ввёл американский литературовед Уэйн Бут в 1961 году. Ключевое условие: основания должны быть в самом тексте. Если бы автор нигде не оставил зацепок, ненадёжность была бы неразличима, а значит, её всё равно что нет. Приём работает только как игра между автором и читателем поверх головы рассказчика.

Между тем, что было, и тем, что рассказано, всегда есть зазор

Как автор подаёт знак

Самое ценное здесь — практическое. По каким признакам видно, что рассказчику не стоит верить на слово?

- **Он слишком настойчиво уверяет.** «Я совершенно спокоен» три раза на странице — верный знак, что нет. В жизни спокойные люди не сообщают о своём спокойствии.
- **Факты не сходятся с оценкой.** Он описывает свой поступок как заботу, а из описания следует, что это был контроль. Оценка его, детали твои.
- **Другие персонажи реагируют не так, как следовало бы.** Он уверяет, что все были рады, — а в сцене люди молчат и смотрят в сторону. Автор редко спорит с рассказчиком прямо, зато охотно показывает чужие лица.
- **Он умалчивает ровно там, где интереснее всего.** Подробно описан завтрак и скороговоркой — разговор, после которого всё изменилось.
- **У него есть выгода.** Он рассказывает историю, в которой ему нужно выглядеть определённым образом: перед судом, перед собой, перед тобой.

Как это читается на практике

Возьмём условный кусок — такой мог бы стоять в любом романе с ненадёжным рассказчиком:

Я никогда не повышал на неё голос. Ни разу за все эти годы, что бы она ни устраивала. В тот вечер я просто спокойно объяснил, что так продолжаться не может, и она почему-то ушла в комнату и до утра не выходила. Женщины вообще склонны драматизировать пустяки.

Теперь по уликам.

«**Никогда**», «**ни разу**», «**за все эти годы**». Никто не подводит такой итог, если вопрос не стоял. Формулировка выдаёт, что обвинение существует — и рассказчик отвечает на него, хотя его никто не задавал вслух. «**Что бы она ни устраивала**». Оценка без единого факта. Нам не показали ни одного «устраивала», зато сразу предложили вывод.

Улики против рассказчика лежат в его же словах

«Просто спокойно объяснил». Три смягчающих слова подряд на один глагол. Чем больше подушек подкладывают под действие, тем тяжелее действие.

«Почему-то ушла». Вот главная улика. Рассказчику непонятна реакция, а читателю понятна. Здесь и открывается зазор между тем, что он видит, и тем, что видим мы.

«Женщины вообще склонны». Переход от неё к классу людей — способ не разбирать случай.

Заметь: автор не сказал ни слова от себя. Он просто дал рассказчику говорить достаточно долго.

Зачем автору так усложнять

Разумный вопрос: не проще ли рассказать прямо?

Проще. Но есть вещи, которые прямо не рассказываются.

Самообман. Человека, который врёт себе, невозможно изобразить изнутри честным повествованием — честное повествование его немедленно разоблачит, и самообмана не останется. Единственный способ показать это состояние — дать ему говорить самому.

Работа читателя. То, до чего ты дошёл сам, действует иначе, чем сообщённое. Если автор напишет «герой лжёт себе», ты это узнаешь. Если ты поймаешь героя сам, ты это почувствуешь — а заодно поймёшь, что несколько страниц ему верил.

Неуверенность как содержание. Иногда автору нужно, чтобы ты вышел из книги, не зная точно, что произошло. Не от нехватки мастерства, а потому, что вещь именно об этом.

Иногда ненадёжен не рассказчик, а сам способ рассказывать

Не путать рассказчика с автором

Здесь лежит ошибка, которая портит чтение чаще всех прочих.

Если в книге от первого лица герой говорит мерзости, это не значит, что мерзости думает писатель. Рассказчик — такой же персонаж, как остальные, просто ему дали микрофон. Автор стоит за ним и отвечает не за его слова, а за устройство всей вещи.

Проверить, где кто, помогает простой вопрос: **что текст делает с этими словами?** Если герой заявляет, что все люди подлецы, а дальше вся книга устроена так, чтобы мы увидели, к чему такой взгляд приводит его самого, — перед нами не проповедь, а разбор. Если же книга в целом подтверждает его слова и не даёт ни одной точки опоры против, вопрос к автору законен.

Эта разница исторически стоила писателям дорого. Набокова обвиняли в том, что он оправдывает своего рассказчика, хотя весь роман построен как затянувшаяся и всё более очевидная самозащита преступника, красивая ровно настолько, чтобы читатель поймал себя на том, что заслушался. Именно этот эффект — попасться на обаяние и заметить это — там и есть содержание.

Из той же путаницы растёт требование, чтобы в книге кто-нибудь прямо осудил плохое. Литература так почти никогда не работает: она показывает, а выводы оставляет читателю. Это неудобно и это ровно то, ради чего к ней ходят.

Где это встречается, кроме книг

Тут разговор перестаёт быть про литературу.

Любой рассказ о событиях — рассказ чьими-то словами. Новость написана человеком, у которого есть представление о том, что важно. Воспоминание родственника — версия, прожившая сорок лет пересказов. Объяснение, которое ты даёшь себе после ссоры, — тоже повествование, и у него есть автор, заинтересованный в определённом исходе.

Приёмы распознавания ровно те же, что в книге. Слишком настойчивые уверения. Оценки вместо фактов. Пропуски в самых интересных местах. Выгода рассказчика.

Заметь важное отличие. В романе за ненадёжным рассказчиком стоит автор, который оставил тебе улики нарочно и хочет, чтобы ты их нашёл. В жизни за рассказом часто не стоит никто — улики попада-

ют в него случайно, а иногда их нет вовсе, и тогда честный ответ: я не знаю.

Отсюда же предостережение. Навык видеть ненадёжность легко переразвить до состояния, когда не веришь никому и ничему. Это не проницательность, а её подделка: подозревать всех так же бездумно, как верить всем. Разница между читателем и параноиком в том, что читатель опирается на улики в тексте и способен сказать, какие именно.

Существует ли надёжный рассказчик

Существует. Большинство книг написаны так, что повествователь заслуживает доверия, и читать их иначе — значит ломать вещь. Если в тексте нет ни одной зацепки, подозрение идёт не от текста, а от читателя, и говорит только о нём.

Не существует. Любое повествование отбирает: что показать, с чего начать, чьими глазами смотреть, где закончить. Отбор уже есть искажение, даже без намерения солгать. Ненадёжность не особый приём, а обычное свойство рассказа; просто иногда её делают видимой.

Практический выход, похоже, такой: считать рассказчика надёжным по умолчанию, но помнить, что умолчание — это допущение, а не факт.

Кто рассказывает, когда рассказчика нет

Напоследок стоит заметить: убрать рассказчика не получается.

Есть повествование от третьего лица, где никакого «я» нет: просто сообщается, что герой пошёл, увидел, подумал. Кажется, что вот здесь-то говорит сама реальность.

Но и здесь кто-то решил, за кем идти. Кому залезть в голову, а кого оставить снаружи. С какого места начать и на каком слове оборвать главу. Назвать человека по имени или «тот мужчина». Даже полное бесстрашие — выбор, и он окрашивает всё: описанная ровным голосом жестокость звучит иначе, чем описанная с дрожью.

Литературоведы говорят в таких случаях о точке зрения и о том, что всезнающего повествователя не бывает — бывает повествователь, который делает вид, что знает всё, и умалчивает об этом.

Практический смысл тот же, что и раньше, только шире. Вопрос «кто это рассказывает и что он от меня прячет» задаётся не только там, где есть явный «я». Его можно задать любому тексту, включая тот, который сейчас перед тобой.

Главное в трёх строчках

- Ненадёжный рассказчик — не тот, кто врёт, а тот, чьё изложение автор снабдил уликами против него самого; без улик приёма не существует.
- Опознаётся он по повторяющимся уверениям, оценкам вместо фактов, несовпадению его слов с реакцией других и по пропускам в самых важных местах.
- Тот же разбор работает за пределами книг — с новостями, с чужими воспоминаниями и с собственными объяснениями после ссоры.

Вопросы для размышления

- Перечитывая книгу, где рассказчик оказался ненадёжным, ты видишь улики сразу. Почему в первый раз они не сработали — и чем это похоже на жизнь?
- Может ли рассказчик быть ненадёжным без ведома автора? Как читателю отличить такой случай от замысла?
- Расскажи свою последнюю ссору так, как рассказал бы её второй участник. Что пришлось добавить и что пришлось убрать?